

Ольга Сеним

Две Совы,
Река и Лес.
Сказочная
повесть

Иллюстрации Яны
Михель

Ольга Сеним

**Две Совы, Река и Лес.
Сказочная повесть**

«Издательские решения»

Сеним О.

Две Совы, Река и Лес. Сказочная повесть / О. Сеним —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-4485-5061-4

Это история поиска дорог и желаний. У каждого есть пара, и однажды ты найдёшь то, о чём так долго пела тебе Душа. Повесть из шести глав, разделённых эпохами, события каждой необыкновенно связаны друг с другом, и я — Сеним, расскажу тебе, добрый читатель, как завязывать время в узелки и обнаруживать себя там, где никак не ожидаешь оказаться. Тебе в помощь Совы, Рыси, Волки, Луна-госпожа и даже Река с Лесом.

ISBN 978-5-4485-5061-4

© Сеним О.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Начало	7
Часть вторая. Дом над Рекой	9
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	16
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Две Совы, Река и Лес. Сказочная повесть

Иллюстрации Яны Михель

Ольга Сеним

Редактор Книженцева Анна К.

Иллюстратор Яна Михель

© Ольга Сеним, 2017

© Яна Михель, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-5061-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Начало

Примерно неделю назад она сошла с тропы. Для спутников Сеним просто растворилась в тумане где-то под вечер. Когда хватились, было уже утро, солнце начинало петь свои песни, и это ощущалось даже в таком густом лесу.

Беззвучное торжество света и цвета разливалось морем через ветви, могучие стволы с их бесконечной памятью, листья, мхи, гнёзда, логова, тропы и много ещё чего, неведомое незваным, усталым и запуганным людям. Солнце роднило их с этим непонятым лесом, но страх прижимал к тропе и докрашивал каждую тень. А теперь ещё нет Сеним.

Спать захотелось сразу за полночь: легла на мхи, мягкие и влажные, погрузилась в них, закуталась в ароматы. Даже прохлада не тревожила её снов, а снилось...

Снились деревья, которые сами были музыкой, и музыка была в каждом движении листьев, ветвей и безнадежно далёких крон.

«Да потому и ушла, что страшно было только на тропинке, с теми, кто боялся», — эта мысль проходила через сновидения, как главный герой, о присутствии которого знаешь, но никак не получается увидеть.

И ещё думала, что её съедят. За ближайшим стволом ещё там, в вечернем мареве. Что она умрёт здесь, станет частью леса, будет танцевать над верхушками в лунные ночи, но что конец её будет мучителен.

Хотела самым уходом обменять свою драгоценную жаркую кровь на свободу от страхов, суеты и неизвестности.

Драконы проявились сразу, только их нужно было научиться видеть.

Солнце расцветило туманную дымку, сквозь ресницы тени приобрели плотность, влага пропитала одежду, подменяя собой телесное тепло. Сама Сеним превратилась, казалось, во мхи и лишайники.

Остатки тумана разбегались воздушными ручьями, пряные ароматы парили легендами. Другой язык жизни раскрывался перед нею в этот день, и она увидела.

Драконы выступали плавно, смотрели внимательно, от них исходило неторопливое достоинство и добрая сила. Сеним подумалось: а что же они едят? Кстати, есть хотелось, даже очень. Припала ко мху губами, напилась, тогда стало ещё и холодно.

«Я всё-таки умру, – проскочило в голове. – Не умею я здесь быть. Буду над лесом танцевать, людей пугать».

Сразу как-то полегчало, а Драконы растворились, будто и не было никого. Утро начинало своё торжество, лес пробуждался – узнаваемо и легко.

И теперь Сеним знала, чувствовала, что больше не одна. Самое главное, страх исчез.

Часть вторая. Дом над Рекой

Глава 1

Старая Элга сидела и смотрела.

Парень трепыхался, как мокрый птенец воробья. Почему мокрый, почему воробья – понятно. Дальше-то что? Глядит Элга, размышляет, раскурила маленькую трубочку.

– Т-а-а-к... – и снова тишина, тягучая, как дикий мёд.

Думает ведьма, даже вода приумолкла и шумит глуше.

Были они на каменном карнизе, занавешенные от падающей воды густыми травами, длинными и всегда влажными.

«Эти травы такие же хитрые, как я, – думалось иногда Элге. – Уцепились за голые камни, а нет чтобы расти по лужайкам лесным, зато пьют самую сладкую воду на свете и все на свете новости встречают первыми. Эта вода всё знает, всё помнит. Любые раны исцелить может, даже если и заморозит сначала, и о камни разотрёт. Да, Река мудра, Река добра...».

А ещё Элга жила здесь. Уже много-много лет.

Колдунья сидела на плоском мшистом валуне, покуривала трубочку, поджав под себя ногу, а мальчишка – прямо на мелких острых камнях, обхватив руками колени, мокрый, дрожащий, испуганный.

– Ну-ка... – старая Элга прислушалась: «Глупый Дик», – Зачем так зовёшь себя? Ты что, дурак? – пустила облачко.

Паренёк вздрогнул, насторожился, потом подумал. Усмехнулась: «Ну как же медленно-то!».

– Всегда так звали, сколько живу, – голос слабый, глухой, но изнутри, читаемая легко и ясно, цепкая зверушка-жизнь, что упирается в кости всеми четырьмя лапами. Такая легко не сдастся. Это хорошо.

– Ух-ты, – Элга широко раскрыла глаза, вроде как удивилась искренне, – ну-ну...

И вновь принялась разглядывать своего гостя.

А Воробей-то – нащупала-таки его Имя – уже остывал, и жизнь, тот свет, что ведьма старалась усмотреть в любом встреченном ею, начинала моргать, всё с большей неохотой размыкая свои, сияющие из самой её глубинной важности глаза. Дик слабел и затихал, дрожал всё тише. Бледность расходилась по губам и скулам, дыхание теряло силу.

– Эх, ладно! За дело! – сосредоточилась.

Коснулась паренёка своим сердцем, навела Тёплый Огонь и погнала по суставам. По лицу жар горячее, вокруг сердца огонь помягче.

«Живи, живи, человек!».

Толкнула в кровь шумные, цветные огоньки радости.

«Скорее!».

Вдох-выдох трубки – времени на пару щелчков, а работы вершилось, может, и на годы.

Сколько было таких встреч? Не упомянуть сейчас. Мимоходом спасённые жизни, добрые пожелания в дорогу. Поведанные истории огромной значимости, которые ей, старой Элге, казались почти всегда малыми и похожими друг на друга. Где они сейчас – все эти люди? Кто знает, кто знает. Но пусть и они однажды вспомнят о ней, в тот самый миг, когда неудержимо захочется поделиться жаром своей души. Когда нужно будет кого-нибудь спасти, они не забудут – ей очень верилось – изыщут в памяти этот её способ.

«Радости и тепла, вот что нужно, чтобы вернуться назад. Да, радости и тепла».

– Ну, как ты, Воробей?

– Ничего, только холодно...

Та потаённая жизнь, что не каждый и углядит, потянулась на добро и свет, вновь засияла тихо и вспомнила, вспомнила о костях и мышцах – о доме, в котором гостила и где вела себя обычно как хозяйка.

«Выживет! Это хорошо».

Глава 2

– Ты зачем Волка дразнил?! – отогрелся, можно спросить и сердито. Дохнула трубкой. – Он тебе какой вред-то нанёс?

Парнишка встрепенулся, почуял силу в себе.

– Он зубы скалил, пугал меня, лапой землю царапал!

Уже и обида вскинулась, оттаял, значит.

– Что ещё делать-то, всё равно не убежать!

И Дика уже колотило: от перенесённого страха и от обиды на волка, на братьев, так зло пошутивших, на себя самого за глупость и доверчивость. Всегда так: Глупый Дик, Дик-дурачок, всё стерпит, всему поверит.

Над ним часто посмеивались, так уж повелось. Дик любил сказки, смотрел на жизнь как на занавеску, за которой обязательно есть что-то ещё, и доверчиво делился с другими такими открытиями.

Кот во дворе, вероломный разоритель гнёзд, как оказалось, очень смущался и робел перед мышинной ратью под полом. Мыши втолковали ему, одиночке и охотнику, про свои семейные ценности и жизнь сообща, и, хотя судьбы их были коротки, сами мыши малы и неразумны, эти их доводы вызывали уважение. И Кот не ловил мышей.

Дик объяснил это своим родным, за что был осмеян и сам, и за компанию с котом.

А ещё Дик-дурачок рассказал им про Дверь-Любознательную-Старуху, разрушенный мостик через ручей – молчаливого Стража-Ближнего-Леса, разговоры хлебных колосьев и колыбельную коровы для своего полугодовалого телёнка.

Да, Дик любил сказки, и они слетались к нему, казалось, со всего света.

Братья как-то сказали ему, притихшие и серьёзные, что верят его историям. Что там, в лесу, повстречали волка, и он говорил с ними человеческим голосом. Они тихо шептали Дику на ухо, что и ему будет интересно послушать, только идти надо далеко, объяснили, где свернуть с тропинки.

Он, конечно, заблудился, ночь провёл в лесу, понял, что обманут. Вообще всё понял. Заплакал.

И тут появился волк, огромный, рыжевато-серый, тихо пахнувший чем-то, встал на большой камень, покрытый лишайником. Красивый такой волк. И страшный очень.

Дик перестал плакать и поднял глаза, а волк пригнул голову, шерсть на его волчьем загривке встала дыбом, он обнажил зубы и ударил когтями по каменному скату. Лишайники ссыпались по траве: тихий-тихий шелест.

И мальчишке вдруг так захотелось жить, пусть даже там, дома. А где же ещё? Жить долго, хорошо, много всего знать. Кота своего вспомнил, окошки в сад, журчание ручья под мостом – всё самое любимое в жизни своей.

«Не отдам!» – подумалось быстро.

Сердце отозвалось тут же:

– Рычи!

И Дик зарычал, зло и неумело. Волк растерянно уставился, сделал шаг вперёд.

А сердце дохнуло:

– Беги!

И Дик побежал. Перемахнул через травы, какие-то яркие цветы, гибкие ветки. Никто и ничто не царапнуло его, не хлестнуло по щекам, рукам и лицу. Оглянувшись, увидел: волк рядом, за спиной, и рванул ещё быстрее.

Вдруг опора под ногами пропала, где-то внизу блеснула вода, или сперва пахнуло водой? Дик заскользил, всё сильнее вниз – и начал падать.

– А-а-а!.. – само сердце кричало из груди.

И тут с его временем что-то произошло – оно не остановилось, а как бы замедлилось, стало хрустальным, прозрачным. Сквозь это необычное время можно было смотреть как через лупу, и всё вокруг объяснялось, наполняясь значением и смыслом. Точно! Как отдернули занавеску. Вот что думалось тогда Дику. А перепуганное сердце голосило, потому что тело несло, хоть и очень медленно, к острым камням и быстрой холодной воде.

Потом...

Потом в этот медленный-медленный, хрустальный, звонкий мир с неотвратимым для жизни Дика концом ворвался, заполнил собою всё вокруг вихрь – бело-коричневый, мягкий, в шорохах и ещё других, без названия звуках, похожих на тишину, но ярче, а потому значительнее. По лицу, шее, рукам пронеслись травы, оставили мокрые следы и память о запахе – вода, зелень, мёд. Спина и плечи ощутили колкую твёрдую опору.

И время вернулось в свои границы.

«Как река, – подумалось, – а я сплю».

И он уснул. Спал недолго, открыл глаза – увидел старуху на камне метрах в полутора от себя. Сидела, поджав ногу, курила трубку, смотрела на него, Дика, сверху вниз, рассматривала даже. Сердце молчало, может, устало. Чувств не было, мыслей не было. Мир – занавеска, за ним – хрустальная тишина, жизни нет, смерти нет. Сколько теперь тебе лет, Дик? Ты Дик?

Глава 3

Элга развела костёр и сделала в котелке какой-то чай. Дик внимательно смотрел, как что-то сыпалось из мешочка на пояс и из железной банки с рисунком. Потом старуха сорвала пучок травы из той, что росла над обрывом, и кинула, тихо приговаривая, в дымный ароматный кипяток.

Укутанный холщовым одеялом, Дик в это время жевал сухую лепёшку – хозяйка достала её, завернутую в бумагу, из котомки. Тепло, спокойно, тихо. Разочарование было первым пережитым им в жизни горем. И вот оно стихало, как засыпает больной потревоженный зверь. Дело даже не в пережитой опасности, голодной и холодной ночи, злой подлости родных. Обида была на саму жизнь – за что? Почему он, Дик, этой жизнью не принимается, и жизнь желает от него других слов, мыслей других, вообще другого Дика?

– Да ты успокойся, – сухой неспешный голос старухи. – Тебе просто надо было уйти. Тебя выбило как пробку из бутылки, раз сам не догадался. Не сиди в чужом гнезде, найди своё. Или построй.

Ведьма зажарила что-то на большой сковороде, бросила туда орехов, выложила на тарелку (всё-то у неё есть), рядом – ещё лепёшек, подала Дику.

– Ешь, Воробей, а Волка больше не пугай.

Это он-то пугал?!

– Ты хоть знаешь, что ему сказал тогда? – в глазах озорные искры. – Да тебя мама за это два дня не кормила бы!

Еда, тепло, добрые простые слова отогревали душу. Сердце не плакало больше, раны затягивались. Их бы не тревожить ещё.

– Я поплю, бабушка, можно?

И вот уже появилась на лице его обычная улыбка, простая и открытая.

В глубине ниши-пещеры копна травы. Прямо в холщовом покрывале повалился в пряный аромат и полетел навстречу голосам – голоса травы и цветов распахнулись историями без слов, которые теперь знал и он, в самом сердце своём видел – они ложились бальзамом на раны, кутали, латали, достраивали что-то. Дик спал и становился другим. То есть тот, настоящий, загнанный и неизвестный, возвращал себе свои дары – плоть, кровь, само право на жизнь.

У каждого есть свой Лес, где найдёшь то, что потерял. Не бойся шагнуть за дверь. И благодари за всё...

Это травы шептали или сердце, теперь мудрое и спокойное? Не важно совсем. Он спал, принимая себя, страх таял и отдавал всё – всё, что могло бы случиться и что теперь случится обязательно – это решает Дик, хозяин и властелин самого себя...

Глава 4

Мягкие лапы ступали осторожно по припорошенным снегом сухим листьям. Потом очень легко и беззвучно – лишь кора отозвалась шорохом – по дереву наверх, на любимую длинную широкую ветвь над тропой. Прилегла, растянувшись, всем животом чувствуя каждую трещинку древесного ствола, очень тихо коснулась ветра носом, распахнула слух на весь лес – нет, на весь мир. Замерла. Застенчивая Рысь вышла на охоту.

У неё были и другие имена. Малый лесной народ успел дать ей их столько, всех и не вспомнить: Острая, Тень-на-Ветке, Всегда-Найдёт, и её любимое – Большая Мама. Это дали на редкость смыслённые и отчаянные белки из кедровой рощи, смелые, наглые и быстрые. И всё-таки в Лесу жила Застенчивая Рысь.

Так её назвала как-то Старая Сова – старуха у Реки. А это целая история...

Рысь была ещё совсем котёнком, по её понятиям, очень давно. Тогда с ней случилось что-то, совсем не шедшее потом на ум, не хотело вспоминаться, таилось в самой глубине сердца тёмным комком, беззвучное и глухое. Да...

Шкура у неё была вся в ранах, кровь запеклась корками, Рысёнок плакала и никак не могла согреться, это она уже помнит. А Старая Сова как раз оказалась рядом. Осторожно взяла на руки, приговаривая что-то, прижала к себе, даже напевать начала, отогревая дыханием. Потом унесла в Дом-Над-Рекой – его весь Лес знает, теперь узнала и она; накормила мясной кашницей, напоила молоком, промыла и смазала раны.

Рысёнок не убегала, жила на подстилке в пещере, набираясь сил, присматривалась и прислушивалась. Но всегда старалась отвести взгляд.

Все кошки на свете берегут свои глаза, какими бы по размеру они, кошки, ни были. Там, на самом дне, секрет души, их независимость, легенда и будущая история. Любая кошка это знает, и об этом её молчание.

Сова-старуха разговаривала с нею, особенно по вечерам перед сном, и Рысёнок слушала. А старуха поговорит-поговорит, да и посмотрит ей в глаза, как та поняла и что думает по этому поводу.

– Какая же ты застенчивая, – усмехнулась как-то. – Застенчивая Рысь, – проговорила, уже пробуя на слух, пустила дымок. – Ух ты! Ух ты!

Казалось, сейчас захлопают её невидимые крылья.

– Ну и имя у тебя! Ай да молодец! Ай да Рысь!

И что обрадовалась?

А Рыси было всё равно приятно. И ещё очень тепло в самом сердце, так, что, если пробежит мимо мышь, поймает, прилижет языком и отпустит. Вот как тепло.

Потом она потихоньку стала выходить, сначала недалеко, до границы трав-занавесок, позже до солнечной лужайки. Ложилась в нагретый круг и глядела на Лес: исполинские деревья, переплетённые кружевные запахи, тени живого в глубине, звуки как гирлянды, звуки как призывы, звуки как границы. Смотрела и слушала, вспоминала и срасталась, становясь частью этой громады.

Когда силы вернулись, Застенчивую Рысь потянула Охота. Лес всё шелестел, звал на разные голоса, запахи ворохом сыпались на нос и усы. Рысь точно знала, что бы сделала, будь она на той поляне, как бы пошла по ветвям. Знала, как ступать по сухой траве без шума и как ловить ветер...

Охота снилась, охота с нею договаривалась.

Но уходить Рысь пока не решалась.

Глава 5

В ДOME-Над-Рекой шла порою очень странная жизнь. Например, Застенчивая Рысь пару раз видела настоящее возвращение Сова.

Сначала особое какое-то предчувствие как дуновение. Лёгкий ветерок мгновенно касается каждого уса, ударяет ладошками в морду, и, если прислушаться, можно разобрать целый ворох всяких новостей. Затем колыхание трав у входа, всего один-два раза, а потом... Потом невесть что, и словами не передать: поток ветра, перья, запах этих перьев и травы, когтистые совиные лапы в приземлении. И вот стоит, поправляет одежду, косы свои, сумки вокруг пояса. Сова вернулась домой.

Так открыто она вообще-то редко возвращалась, только если случалось что-то и надо было торопиться, тогда у всех сразу же находились заботы. От Рысёнка на первых порах требовалось немного – не мешать, не путаться под ногами и лапами. Это уже потом, окрепнув и помудрев, она предлагала свою помощь. А иногда, когда Рысь уже ушла в Лес, Сова сама находила её и просила о том, что было только в её рысьих возможностях.

В тот, наверное, второй или третий настоящий приход Старуха созывала Совет. Как поняла Рысёнок, на охотников Леса поднялась Большая Охота, незаконная и вероломная. Однажды, очень давно, Лес перестал говорить с теми, кто приходил только брать, не благодаря. Непостижимость пугала людей, и такое соседство казалось им опасным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.